

В ГОРЬКОВСКОМ театре драмы идет юбилейный, 175-й сезон, и сейчас особенно часто вспоминаются люди театра, создававшие его славу, отдавшие ему всю свою творческую жизнь — до последнего дня...

Был в нашем театре, жил им сорок с лишним лет художник Константин Иванович Иванов. В текущем году ему исполнилось бы 75 лет — тоже юбилейная дата. Считался, даже в молодые свои лета, упрямым «арханстом», «консерватором» у любителей легкомысленной моды. Традиционная черная бархатная блуза, яркая, с «изморозью» седина, узкие темные глаза, с угрюмым — от застенчивости — словно бы недовольным взглядом. Но как загорались они гневом, дерзкой удалью, вдохновенным упорством, когда в споре задевалось заветное, «святое за душой»! И в боях за сценический реализм этот «древних ратей воин отсталый» оказывался современнее иных поклонников «сверхсовременности» в искусстве, — в своем особенном, «породистом» и тонком эстетическом чутье, в своей убежденности коммуниста, твердо знающего цель движения и собственное жизненное назначение.

Да, театральные модерн его не привлекал, чрезмерное увлечение сложными конструкциями на сцене всегда казалось ему чем-то противоречащим самой природе декорационного искусства, некоторые новейшие методы исполнения — тоже. «Художник, если он художник, не сменит свою кисть на электроприбор», — говорил он. Он отстаивал разумное сочетание «индустриализации сцены» с древним и прекрасным искусством живописи. «Нельзя делать сцену площадкой для аттракционов», — утверждал он. И дока-

зывал — своим творчеством.

Театральные художники бывают разными по своим склонностям: «живописцы», «графики», «монументалисты», «архитекторы», «инженеры», и трудно бывает отдать предпочтение тому или другому методу, если речь идет о подлинном таланте. Талант Констан-

тина Иванова был прежде всего дарованием живописца, и достигаемые им непревзойденные сценические эффекты убедительно свидетельствуют в пользу этого направления. Свои позиции в искусстве он умел подкреплять делом.

Язык его живописи на театре был чужд витеватости и украшательства, сухого документализма и мелочного правдоподобия, это был язык больших образных обобщений. Никогда у него не лезли на сцену грубо-натуральные предметы, но совершенное знание законов живописи позволяло создавать очень точные образы. Поэтому оформление всегда было легким, по-особому музыкальным. Недаром К. И. Иванов оформлял спектакли и в оперном театре, например, «Русалку» Даргомыжского, — с такими колдовскими лесами и днепровскими омутами, что до сих пор они стоят перед глазами, а прошло уже 35 лет!

Заветная тема художника — мотив столь же древний и вечный юный, как сама жизнь: человек, общество и природа, слияние их или несовместимость. Драматургический материал пьес А. Н. Островского и М. Горького, творчество режиссеров Н. И. Соболевского-Самарина и Н. А. Покровского

давали особенный простор художническим склонностям Иванова, в лучших его постановках эта радостная свобода все-го сильнее ощущается.

Всегда строго, всегда просто и в то же время поэтически полнокровно, взволнованно, эмоционально, мысль и чувство — нерасторжимы... «Забы-

пещей в действии пустом» жизни Арбенина.

В постановке «Варваров» М. Горького, как всегда, удивительно внимательно отнесясь к тексту, Иванов создал в первом акте прелестный речной пейзаж, с могучими деревьями на первом плане, с залитой солнцем далью на том берегу. «Го-

А. Н. Островского — разноцветье трав и волшебные оттенки зелени — темно-болотные, голубоватые, почти синие, почти черные...

Всегда на сцене были воздух, перспектива. Наша не очень-то большая сцена казалась огромной, потому что не было разрыва между предметами первого плана и глубинным пейзажем. Полно головной занавес в спектакле «Шестьдесят часов» (пьеса З. Аграненко): на черном бархате — огни станции и тени глубоких снегов. На первом плане! Но совершенно полная иллюзия дальней дали.

Спектакли свои К. Иванов всегда готовил тщательно: хорошо написанные эскизы, макеты каждой сцены — золотое правило, почти вышедшее из употребления в современном театре, — и напрасно! Сохранившиеся в художественном музее и у жены художника, актрисы театра В. С. Давыдовой, эскизы говорят об этой ответственной и самоотверженной работе.

Живописца до глубины души, Константина Иванова, естественно, тянуло к станковой живописи, главным образом, пейзажной и портретной. В художественном музее есть не сколько картин К. Иванова из серии «Нижегородский кремль», с любовью и настроением написанная картина «Утро» (портрет Горького, по мотивам «Рассказа о первой любви»). Есть портрет жены художника, портреты Соболевского-Самарина — в ролях и в жизни, выразительные натурные этюды...

Хорошую память в театре оставил о себе художник русской школы сценического реализма, трепетно и преданно любивший родное искусство и много для него сделавший, хороший человек...

А. АЛЕКСЕЕВА.

РУССКИЙ ТАЛАНТ

родок у нас милый, красивый»... «Город-то наш — как яичница на сковороде»... Вторгаются «варвары» в белых инженерских кителях, слышны насмешливые, резкие голоса — и красота как бы гаснет, обнаруживает свою условность, непрочность...

В «Бесприданнице» А. Н. Островского — такое огромное, такое живое небо! Символ недостижимого счастья, к которому тщетно рвется душа Ларисы...

Иванов был мастером исторического пейзажа на сцене: все очень точно, до деталей — и всегда образ, передающий дух времени. «Козьма Минин» В. Костылева, «Флаг адмирала» А. Штейна, «Коварство и любовь» и «Заговор Фиеско» Ф. Шиллера... В оформлении спектакля «На дне» — уступы Нижегородского кремля, спускающиеся к «Миллионке» — подлинному месту действия пьесы Горького...

Чувство колорита у Иванова было просто редкостное, особенно в передаче театральной «географии»: «Шелковое сюанэ» А. Каххара — жаркий воздух Узбекистана, «Украденное счастье» И. Франка — синий снег Карпат, «Крылья» А. Корнейчука — щедрость и доброта украинского пейзажа, «Лес»

тый друг» А. Салынского — о гибели мещанской души: кричащий разрыв между суровым простором уральского пейзажа и домовитым уютом логова «героя» — лари, плотные двери, огромные замки, добротные половицы... «Униженные и оскорбленные» по Ф. Достоевскому: «Невы державное течение» — и черные тени, и лохмотья несчастья, нищеты, болезни, одиночества... «Маскарад» Лермонтова: ледяные огромные окна; тяжелый мрамор колонн — образ холодной, «ки-